

Говард Филлипс Лавкрафт

Азатот

(Azathoth)

Когда дряхлость настигла мир, и чудеса перестали занимать человеческий разум; когда седые города вознеслись в дымные небеса высокими, мрачными и уродливыми башнями, в тени которых никто и не смел мечтать о солнечном свете или о покрытых цветами весенних лужайках; когда просвещение лишило Землю покрова тайны и поэты более слагали стихи о кружащихся в лунном свете призраках, и когда, детские надежды ушли навсегда, нашелся человек, что покинул мир в поиске места, куда ускользали мечты мира.

О имени и местопребывании этого человека немного написано, возможно потому, что он покинул пробуждающийся мир; а возможно потому, что это остались тайной. Достаточно упомянуть, что жил он в городе высоких стен, где правили стерильные сумерки, среди полумрака и суматохи которых он тяжело трудился, вечером возвращаясь в квартиру, в чье единственное окно вместо просторов и зелени, был виден лишь тусклый двор, на который в тупом отчаянии таращили глаза окна. Из тех оконных створок обозревались лишь стены и окна, если только кто-нибудь не высовывался далеко из окна и пристально не всматривался в крохотные, едва различимые звезды. И эта панорама окон и стен, непременно довела бы до безумия человека, что много мечтает и читает, и потому обитающий в той комнате, привык ночь за ночью высовываться из окна и пристально всматриваться вверх, чтобы мельком увидеть обрывки жизни за пределами бодрствующего мира и высоких городов.

Спустя года он начал призывать по именам медленно плывущие звезды и с интересом следить как они полные сожаления ускользали прочь; до тех пор пока зоркость его глаз не открыла множество тайн о существовании которых обычные глаза даже и не предполагают. И однажды ночью сильнейший водоворот меж звезд навел мост, и мечта обитавшая в небесах спустились к одинокому окну наблюдателя, чтобы смешаться со спертым воздухом комнаты и сделать его частью удивительных чудес.

Он ворвался в ту комнату – дикий поток лиловой полуночи, блестящий золотой пылью, в вихрях пыли и огня, кружащийся в далеких мирах и тяжелом аромате из-за пределов миров. Разлился дурманящим океаном, светящимся светом не виденных ранее солнц, и в тех водоворотах играли странные дельфины и морские нимфы из невообразимых глубин. Бесшумная бесконечность вращалась в водовороте вокруг спящего и несла его прочь не прикасаясь к телу, что одеревенев свешивалось из одинокого окна; и днями, не сочтенными человеческим календарем, течения далеких сфер несли его мягко, чтобы присоединиться к другим течениям, что бережно оставят его спящим на освещенном солнцем зеленом побережье, зеленом побережье благоухающее цветением и покрытое соцветиями красных роковых лотосов...

Перевод: Thrary

2001 год